

«ДЯДЯ ВАНЯ» КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

«UNCLE VANYA» AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL MYTHOLOGY

N. Gavrilova

Summary. The article deals with the question of the formation of A. P. Chekhov's play «Uncle Vanya» as a component part of the collective consciousness of the nation. From mass culture's examples, our work investigates the collective image of «Uncle Vanya» as the symbol of home warmth, cosiness, family and close friends. It examines the use of popular expressions from the play «Uncle Vanya», which can be found both in colloquial speech and in literary works. As a result of the research, the article suggests the conclusion that the play «Uncle Vanya» is the concept of the national consciousness.

Keywords: concept of the national consciousness, element of the national mythology, drama, A. P. Chekhov, «Uncle Vanya».

Гаврилова Наталья Владимировна

Московский государственный университет имени

М. В. Ломоносова

gavrilovanatalia7@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает вопрос о становлении пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» мифологемой в коллективном сознании народа. Исследуются собирательный образ «дяди Вани» как символа домашнего тепла и уюта, родных и близких людей на примерах из массовой культуры. Разбирается использование известных выражений из пьесы «Дядя Ваня», ставших крылатыми и употребляемых как в разговорной речи, так и в литературных произведениях. В результате проведенных исследований предложен вывод, подтверждающий то, что пьеса стала концептом национального сознания.

Ключевые слова: концепт национального сознания, элемент национальной мифологии, драматургия, А. П. Чехов, «Дядя Ваня».

Драматургия А. П. Чехова прочно заняла свое место не только в мировой литературе, но и в общественном сознании. Что приходит на ум в связи с словосочетанием «дядя Ваня»? Только лишь название пьесы Чехова? Или нечто большее? В нашей статье мы попытаемся в этом разобраться и понять, стал ли «Дядя Ваня» составной частью национальной мифологии.

Необходимо уточнить, что в нашей работе мифология будет рассматриваться как одна из форм коллективного сознания, соответственно, термин «миф» будет использоваться исключительно в этом значении. Поэтому миф о чеховской пьесе «Дядя Ваня» будет исследоваться нами с точки зрения его отражения в массовом сознании людей, как некоего собирательного образа, в котором выделяются те акценты, что актуальны для современного человека.

«За пределами ста лет — абсолютные ценности классики, в пределах ста лет — спорные ценности современности», — писал М. Л. Гаспаров [1, с. 13–14]. Если использовать такой подход, то еще пятнадцать лет назад Чехова можно было бы охарактеризовать как современного писателя, в то время как сейчас мы с полным правом можем причислить его к стану классиков. Писатели-классики со временем превращаются в мифологические фигуры и укореняются в массовом сознании вместе со своим творчеством. Возможно, реалии прошлой жизни покажутся современному человеку далекими и малопонятными, но это не мешает героям произведений, образам, лейтмотивам и фразам входить в широкие пласты культуры и, тем самым, в общественное сознание народа.

Тимур Кибиров в «Истории села Перхурова» — «своеобразной постмодернистской рапсодии на темы русской истории и русской литературы» [7, с. 11] — обращается ко многим текстам классической литературы, в том числе и к чеховской пьесе «Дядя Ваня». Перефразируя цитаты, поэт через постоянные аллюзии и реминисценции вступает в диалог как с классиком, так и с нашим национальным сознанием:

*Еще белеют в полумгле печальной
Уже у боковых дверей лежат
Узлы, баулы, чемоданы. В спальню
Открыты двери настежь. Старый сад
За окнами темнеет оголенный.
За сценой глухо голоса звучат.
Купец застыл, немного удивленный,
Перед забытой в спешке на стене
Ландкартой Африки. <...>
В дверях барон с акцидным говорят
О лесоводстве... [8, с. 313–314].*

Здесь о «Дяде Ване» нам говорит и карта Африки (в комнате Ивана Петровича висит «на стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [14, с. 105]), отношение к которой осталось прежним на протяжении всей пьесы, и тема лесонасаждений, и собранные чемоданы, отсылающие к отъезду четы Серебряковых, и старый сад — отражение того сада, что окружает усадьбу Войницких от внешнего мира, — теперь уже оголенный и не способный спрятать обитателей имения от столкновения с реальной жизнью (что напоминает нам и о другой пьесе Чехова — «Вишневый сад»).

Миф о «Дяде Ване» присутствует не только в национальном сознании, но и во всем мире, ведь герои пьесы имеют общечеловеческий характер. Персонажи «Дяди Вани», ставшие мифологемами, извлекаются из пространства пьесы и переносятся в другое время, а их судьбы переосмысливаются в ином художественном контексте.

Южноафриканский драматург Реза Де Вет в своей пьесе «Елена» (1998) размышляет о том, как бы могли развиваться жизни героев «Дяди Вани» в дальнейшем. Действие перенесено в 1905 г., однако исторические события никак не обыгрываются. Профессор Серебряков и Мария Васильевна к этому времени скончались, Елена тяжело больна, а Соня замужем за Астровым, и оба они несчастны. Интерес вызывает лишь внезапное возвращение к Телегину его жены, но и с ней не все в порядке: она впала в старческое слабоумие. Общий тон пьесы беспросветно мрачный: протекает крыша имения, везде тараканы, за сценой брзжит ослепшая няня Марина, и все действие происходит ночью. Пьеса медленно движется к своему открытому безнадёжному финалу, в то время как «Дядя Ваня» Чехова заканчивался достаточно открытой концовкой, и у персонажей оставалась надежда на лучшее будущее в лучшем мире.

Брайан Фрил, известный ирландский драматург и переводчик Чехова, в своей пьесе «После занавеса» (2002) вступает в диалог с двумя чеховскими пьесами: «Дядя Ваня» и «Три сестры». Пьеса рассказывает о встрече двух чеховских героев — Андрея Прозорова из «Трёх сестёр» и Сони Серебряковой из «Дяди Вани» — в столичном привокзальном буфете начала 1920-х гг. Фрил не пытается представить персонажей такими, какими они не являются, он ничего в них не подправляет. Если Чехов лишь обрисовывает возможности того, к чему могут прийти его герои, Фрил же подводит нас к однозначному ответу. В его пьесе персонажи пережили немало трудностей. Соня Серебрякова вынуждена ездить в Москву для решения земельного вопроса (реквизиция усадьбы), Иван Петрович давно скончался, Астров женился на Елене Андреевне, но к счастью это их не привело: Елена уехала в Париж, а доктор окончательно спился. От Андрея Прозорова ушла жена, сестра Маша покончила с собой, а сын сидит в московской тюрьме, пойманный на краже. Теперь Прозоров играет на скрипке, чтобы заработать на проезд в Москву и встречи с Бобиком.

Вместе с тем ирландский драматург не рисует персонажей безрадостными фантазерами напрасно прожитой жизни. Как и Чехов, даривший в финале своих пьес героям толику надежды и пытавшийся укрепить их в силе духа, Фрил видит в Соне и Андрее людей, живущих неуверенными надеждами вопреки всему. И в этом он следует за Чеховым.

В театре «Около дома Станиславского» спектакль «Забыть или больше не жить» (2011) Юрия Погребничко играет целое попурри из чеховских пьес и рассказов. Более двадцати героев, в том числе герои «Дяди Вани», органично существуют на сцене, выстраивая свою мелодию повествования. От эпизода из «Чайки» — к «Вишневному саду», затем — к отрывку из «Трёх сестёр», который плавно переходит к сценам из «Дяди Вани». В итоге рождается шутивно-серьёзный разговор о переменчивости климата, будто бы отражение слов Сони и доктора Астрова в первом действии чеховской пьесы, о неизменном конце человеческой жизни, о поиске себя и поисках веры, о творческом самовыражении и свободе человеческой личности. И несмотря на все трудности они продолжают идти вперед и «веруют», как верует Соня.

Таким образом, персонажи «Дяди Вани», имеющие надежды и мечты, присущие каждому человеку, близки по духу не только нам, соотечественникам Чехова, но и людям во всем мире. Герои пьесы стали неотъемлемым элементом культурного сознания. Общечеловеческое наполнение пьесы и ситуаций, описанных в ней, оказывается все более очевидным, однако значение пьесы как одной из национальных культурных парадигм не вызывает сомнений.

Не только для тех, кто знает пьесу «Дядя Ваня», но и для тех, кто, возможно, не читал ее и не ходил в театр, словосочетание «дядя Ваня» наполнено особым, трудно формулируемым, но понятным сердцу смыслом. В пьесе только племянница жалеет и понимает несчастного Ивана Петровича, и только она так нежно обращается к нему: «дядя Ваня». Можно сказать, что «дядя Ваня» символизирует нечто родное, близкое, теплое и душевное.

Напоминание о теплоте родного дома, о близких и родных людях особенно необходимы вдали от дома. В Риге, на одной из улочек Старого Города, расположен ресторан русской кухни «Uncle Vanua» — место с «домашней уютной атмосферой»: «винтажные фотографии на стенах, уютные лампы и расслабляющие цветастые кресла, стилизация под загородный дом, который не хочется покидать» [11]. Вкупе с музыкой прошлых лет и полками, полными книг, создается ностальгически-расслабленное настроение. Фотография Чехова на официальном сайте ресторана подтверждает тот факт, что название заведения выбрано неслучайно.

И в Нью-Йорке не обошлось без «Дяди Вани». Клуб-ресторан «Uncle Vanua» был основан в 1992 г. Мариной Трошиной, бывшей артисткой театра Ленком. ««Первый вопрос, который надо было решить, — рассказывает хозяйка, — кто твои клиенты? Второй — где они живут? А третий — что они хотят? Мои клиенты в основном живут на Манхэттене. Это актеры, музыканты, художники,

ухавшие из Союза давно. «Дядя Ваня» призван заменить ЦДЛ, Дом кино, ЦДРИ и Дом журналистов одновременно» [10]. Такой домашний кабачок под знакомым названием был для русской интеллигенции настоящим оплотом прежней родной жизни. И сейчас многие русские в Нью-Йорке стремятся к «Дяде Ване» — туда, где уютная атмосфера со «старинными бабушкиными рецептами» [Там же] и знакомая речь.

Даже в массовой культуре можно встретить отсылки: например, задорная песня Александра Башлачева «Поспели вишни в саду у дяди Вани», которая связана одновременно с двумя пьесами Чехова — «Дядей Ваней» и «Вишневым садом». А выражение «заткни фонтан»? В первом действии пьесы Войницкий с досадой восклицает, обращаясь к Телегину: «Заткни фонтан, Вафля!» [14, с. 68]. Афоризм Козьмы Пруткина «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану» [12, с. 238] (имеется в виду шуточно-ироничное выражение «фонтан красноречия»), использующийся Иваном Петровичем как призыв помолчать, органично присутствует и в современной речи.

Еще одно не менее популярное выражение — «небо в алмазах». Впервые оно появилось в заключительном монологе пьесы, в словах Сони: «Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» [14, с. 116]. Это выражение как символ красоты, справедливости и надежды на светлое будущее, без сомнения, стало крылатым и употребляется как в разговорной речи, так и в литературных произведениях. К примеру: «Тогда на новогодних вечерах плакали и пели, произносились нудные, как осенний дождь, речи, одни ораторы называли себя лишними и ненужными, другие мечтали увидеть через тысячу лет небо в алмазах» [15, с. 77]. Или в романе Ю.П. Германа «Я отвечаю за все» — хирург Борис Львович произносит в телефонном разговоре нарочито неточно: «Не знаю, не знаю, друг мой, но я — старый идеалист, верю, мы увидим на небе звёзды, или что-то в этом роде, как сказал Чехов. Будем надеяться на лучшее...» [2, с. 747]. Писатель, посвятивший многие страницы своих книг тяжелому труду врачей — людям, в чьей профессии «наиболее ощутима, эмоционально ясна гуманистическая цель борьбы за человеческую жизнь, за полноценность человеческой природы» [5], как и Чехов, понимал сложность и огромную ответственность подобной работы, и наверняка не зря выбрал цитату из «Дяди Вани», где в числе прочих тем представлена суровая реальность будней уездного врача — доктора Астрова.

Однако стоит отметить, что со временем выражение «девальвировалось», и его использовали не в вышеука-

занном значении, а как своеобразное «украшение речи», например: «...Сергей Сергеевич скажет: — А не полюбоваться ли нам небом в алмазах? Это значило, что сейчас мы всплывём на поверхность, чтобы пополнить запасы воздуха и поговорить по радио с «Богатырём»» [4]. Широкое использование выражения в разговорной речи привело к дальнейшему искажению чеховского смысла и к ироническому переосмыслению, к примеру: «— Ша! Чтоб тихо было! — шагнул Птуха к юродивому и поднёс к его носу кулак.— Чуешь? Увидишь небо в алмазах!» [6, с. 23]; «Кого вижу! Приветик! — весело раскинул он (*мичман*) руки (*навстречу пону*).— За такую встречу нужно по лампадочке раздавить. Пошли в таверну «Трёх бродяг», вонзим по ковшу и увидим небо в алмазах!» [Там же, с. 200]; «...думал Ленька...Глупо, милый, очень глупо. Скорее тебе покажут небо в алмазах» [3]; «Ох,— сказала она (*Аська*) с яростью,— мне бы хотя бы одного фашиста вот сюда, в руки, я бы показала ему небо в алмазах!» [13, с. 14]. Выражение «увидеть — показать небо в алмазах» приобрело значение угрозы, а «его разговорно-непринуждённый характер противопоставлен той возвышенной «книжности», которая характерна для употребляющегося в литературе выражения «Мы увидим небо в алмазах»» [15, с. 78].

Таким образом, можно говорить о широком использовании выражений, ставших крылатыми, из пьесы «Дядя Ваня» как в литературных произведениях, так и в разговорной речи, и о том, что образ «дяди Вани» вместе с героями пьесы вошел в общественно-культурный пласт. Тем самым это подтверждает тот факт, что пьеса стала концептом национального сознания, элементом национальной мифологии.

«Всякий великий поэт,— писал Шеллинг,— призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [16, с. 147]. Хотя сам Чехов, очевидно, не ставил перед собой задач подобного масштаба, однако персонажи его пьес и ситуации, ими переживаемые, несомненно мифологемы. Рожденные воображением и фантазией творцов «устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получить выражения вечные понятия» [Там же, с. 105] (к таким образом можно отнести ад Данте, Дон Жуана с его романтическими приключениями, сомнения Гамлета и т.д.), для просвещенного человека стали универсальными путями к познанию себя самого и мира вокруг. Тем самым они стали новыми мифами, которые для последующей литературы стали моделями, и «попытки художественной интерпретации тех же художественных типов возникают вновь и вновь» [9, с. 105].

«Дядя Ваня», как и другие чеховские пьесы, «о времени, о переменах, <...>, и сожалениях, и ускользя-

щем счастье, и надежде на будущее» [7, с. 17],— говорил английский драматург Дж.Б. Пристли, умевший видеть в пьесах Чехова основополагающие истины о мире и о жизни в нем. «Дядя Ваня» как мифологема в национальном сознании существует и будет развиваться, «подобно тому как в наши дни все новые художники придают новое осмысление мифологическим парадигмам про-

шлого» [Там же, с. 17]. Концепт с большими смысловыми значениями, он освещает ситуации как в отдельной семье, так и в стране. Миф о «дяде Ване» как представление о добром и родном, о красоте и справедливости, о надежде на лучшее будущее независимо от бытовых реалий или исторического контекста представляет вечные всечеловеческие и всевременные начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М. Л. Столетие как мера, или классика на фоне современности // Новое литературное обозрение. 2003. Вып. 4 (62). С. 12–16.
2. Герман Ю. П. Я отвечаю за все. М.: Советская Россия, 1965. 855 с.
3. Гладиллин А. Т. История одной компании. URL: https://royallib.com/read/gladilin_anatoliy/istoriya_odnoy_kompanii.html#324831 (дата обращения: 22.07.2018).
4. Голубев Г. Н. Гость из моря // Искатель. 1967. № 3. С. 122–147. URL: <https://librolife.ru/g813972> (дата обращения: 22.07.2018).
5. Заранкин Ю. Тоскуя о людях без компромиссов // Медицинская газета. № 30. 30.04.2008. URL: <http://www.mgz.ru/№-30-от-23-апреля-2008г/тоскуя-о-людях-без-компромиссов> (дата обращения: 22.07.2018).
6. Зуев-Ордынец М. Е. Сказание о граде Ново-Китеже. М.: Детская литература, 1970. 333 с.
7. Катаев В. Б. Вишневый сад как элемент национальной мифологии // Чеховиана / Звук лопнувшей струны. К 100-летию пьесы Вишневый сад / под ред. В. Б. Катаева. М.: Наука, 2005. С. 9–18.
8. Кибиров Т. Ю. Кто куда, а я — в Россию. М.: Время, 2001. 512 с.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 1995. 406 с.
10. Полищук Л., Цигаль С. Дядя Ваня с Манхэттена // Итоги. 2001. Вып. 5 (243). URL: <http://www.itogi.ru/archive/2001/5/123869.html> (дата обращения: 15.07.2017).
11. Ресторан-трактир русской кухни «Дядя Ваня» / Tēvocis Vaņa в Старой Риге [официальная страница] URL: <http://www.unclevanya.lv/#about> (дата обращения: 15.07.2017).
12. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
13. Уварова Л. З. Мытная улица // Юность. 1968. Вып. 4 (155). С. 4–24.
14. Чехов А. П. Дядя Ваня (сцены из деревенской жизни в четырех действиях) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1978. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. С. 61–116.
15. Шварцкопф Б. С. Небо в алмазах // Русская речь. 1968. № 6. С. 77–78.
16. Шеллинг В. Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

© Гаврилова Наталья Владимировна (gavrilovanatalia7@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова